

словно уговариваясь: передохнем немного, без тревожных послушаем друг друга. И в этом их уговоре — хотя каждый вел свою, отличную от другого партию — они достигали удивительного душевного унисона, созвучия мироощущения.

После привала — в путь. Как бы по старшинству все чаще выбивается вперед многострунный голос фортепьяно. Он ведет за собой кларнет. Ведет то спокойно и плавно, то вдруг в какой-то миг легко, с камешка на камешек перескакивает через вострившийся на пути ручей. Так идут они друг за другом, пока лесная тропинка не выводит их на просторную поляну, к людям.

Тут у обоих прорываются как будто сдерживаемые, приглушаемые ранее силы и чувства. Как хорошо дарить людям радость! И они щедро дарят ее, уже несколько не думая, не заботясь о равенстве одного перед другим. Они заявлены возвышающими человека чувствами.

Второе отделение концерта Святослава Рихтера посвятил Шопену, четырем его скерцо (opus 20, 31, 39 и 54).

В исполнении их — и это, может быть, самое главное — артист проявил себя великолепным, талантливейшим... драматургом.

После концерта я сказал об этом Рихтеру. В ответ он, весело смеясь, с открытым добродушием замаял на меня руками:

— Это Шопен, Шопен!..

Как прост, непосредствен и прост был в ту минуту Святослав Рихтер!

А в те минуты, там, у рояля, каким он был! Другим!.. Не простым!.. Но разве возможно отрешения артиста — такого Артиста! — от самого себя, от того, что составляет содержание его личности, характеризует особенности его натуры?

Встреча с Бетховеном, Брамсом и Шопеном означала для него естественное продолжение жизни — той, которой он жил до концерта и которой живет вот сейчас, после концерта. С какой веселой и обязательной непосредственностью разряжает он восхищение своего слушателя:

— Это Шопен, Шопен!..

«Подтекст» неожиданной реплики пианиста понимать, видимо, следовало так: как же вы не понимаете, а тут совсем ни при чем, это же Шопен. Шопен покорил вас!

Шопен Шопеном — как не восхищаться им! — но нужно быть Рихтером, чтобы суметь извлечь из его скерцо столь страстную драматургию возникновения, становления и движения музыкальных образов и столь смелую, выверенную контрастность накаленного, бушующего драматизма и светлой, проникновенной лиричности.

Да, для этого действительно нужно быть Рихтером — мастером высочайшего исполнительского совершенства. А что служит для артиста такого масштаба истинной мерой этого совершенства?

После встречи со Святославом Рихтером на концерте и после него находишь, кажется, ответ на свой вопрос. Такой мерой совершенства становятся гармония и ясность классической простоты.

Простота означает приближение к идеалу!

Разве не прав был великий французский энциклопедист Дени Дидро, утверждавший в свое время: «Простота есть одна из основных отличительных особенностей прекрасного»?

Но как трудно просто писать об этой идеальной, пушкинской простоте — о прекрасном искусстве Святослава Рихтера. Об искусстве, окрыленном жизнью и окрыляющем человека.

— Уносишься вверх!..

Такое выразительное — лаконичное, но многозначительное — заключение услышал я после концерта в музее на Волхонке от Ираилия Андроникова.